

ческих терминов, как текстообразующий фактор, релевантный для всех оценочных типов текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гак В. Г. К проблемам соотношения языка и действительности//Вопр. языкозн. 1972. № 5. С. 13.

² Арнольд И. В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте//Иностр. языки в школе. 1979. № 5. С. 12.

³ Махова Э. Ф. Оценка как содержательное свойство текста//Проблемы лингвистической интерпретации художественного текста. Свердловск, 1981.

⁴ Lessings Werke. In 5 Bd. Weimar: Volksverlag, 1963. Bd 4.

⁵ Op. cit. Bd 1. S. 41—42.

⁶ Столович Л. Н. Природа эстетической ценности. М., 1972. С. 184. Здесь же см. о термине «антиценность» в аксиологии.

⁷ Lessings Werke. Bd 4. S. 200—250.

⁸ Столович Л. Н. Указ. соч. С. 32.

⁹ Фриче В. Социология искусства. М.; Л., 1929. С. 94—110.

¹⁰ Lessings Werke. Bd 4. S. 232.

¹¹ При анализе использовался: *Das WDG*: In 6 Bd. Berlin: Akademie-Verlag, 1978.

¹² Lessings Werke. Bd 4. S. 117.

¹³ Op. cit. S. 335.

В. П. Литвинов
(Пятигорск)

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЯЗЫКОВОМУ СРЕДСТВУ В ТЕКСТАХ М. ХАЙДЕГГЕРА (предварительные результаты исследования)

Обсуждение языкового средства как проблемы общего языкознания ставит перед задачей выбора такого материала, который позволяет эксплицировать глубину проблемы. Язык текстов немецкого философа М. Хайдеггера представляет в этой связи особый интерес. Его анализ требует пояснения понятия средства применительно к языку и признания специфики языка Хайдеггера.

Широкое использование понятия языкового средства в лингвистике связано с функционализмом лингвистической традиции: предполагается, что вычленяемые в синтагматике конструкция, слово, морфема сознательно употреблены для какой-то цели. Говорящий, как правило, «не строит» предложений, а «просто говорит». Наряду с этой автоматизированной речью есть речь дискурсивная, в которой язык особо контролируется сознанием. Если при этом происходит отбор единиц сообразно поставленной цели, то правомерно говорить о языковом средстве. В реальном коммуникативном усилении говорящего или пишущего слово становится средством на службе какой-то цели. В таком случае лингвист анализирует специфику речи, абстрагируясь от существующей нормативности языка, руководствуясь целенаправленностью избранного средства.

Тексты Хайдеггера — явление уникальное. Пока еще никто

из исследователей не показал, что они могли бы получить выражение на другом языке, например нормативном немецком. Переводчики Хайдеггера, в свою очередь, вынуждены конструировать специальные варианты своего языка. Проблемная ситуация интерпретаторов Хайдеггера заключается в следующем¹: если мы пытаемся говорить о нем на традиционном языке, то теряем существенное в нем, если используем его язык или отображаем его поздние тексты на более ранние², то не делаем его понятнее. Следовательно, необходимо найти возможную основу понимания.

Примем Хайдеггера как содержательный эксперимент по созданию мышления особого типа³ и как эксперимент по трансформации языка в новое качество, сообразное новому мышлению. В этом свете отношение Хайдеггера к языку определим как техническое. Сам Хайдеггер, несомненно, не согласился бы с предельным подходом, хотя у него встречаются замечания о важности оппозиции «технического» и «физического»⁴. Свои языковые приемы он подает как безусловно выражающие духовно-практическое существование человека, а не как проект возможной духовности. Технический подход определяет деятельностный характер полагаемых вопросов.

Как практическая задача мышление должно быть доступно в его непосредственно реальном бытии или в реальном бытии того, за чем усматривается действительное мышления. Отсюда проблема языка не есть только лингвистическая проблема. Отношение мышления и языка здесь целесообразно анализировать как отношение конструкции и материала. Конструкция возможна, если материал обладает требуемыми технологическими свойствами. Какими свойствами должен обладать язык, чтобы возможно было мышление типа а, типа b и т. д.? Так, для мышления, на которое ориентирован Хайдеггер, «недостает не только слов, но прежде всего грамматики»⁵.

Хайдеггер вырабатывал свою новую философскую позицию, когда его учитель Гуссерль констатировал свою неудачу в решении картезианской проблемы. Рассуждение Декарта: «Если я мыслю нечто, это не значит, что это «нечто» существует, но это значит, что я существую (*cogito ergo sum*)», — было актуально для позднего Возрождения, когда *res cogitans* можно было обосновать божественным началом; декартовский бог как бы материализовался в людях, создавая возможность познания. В XX веке в буржуазной философии возникла потребность заменить старого бога. Однако попытки Гуссерля свести к очевидному трансцендентное «я» потерпели крах, поскольку в рамках последовательного идеализма дух сам по себе — достаточное обоснование. Гуссерль привлек к анализу феномен времени, центрированного на «я», феномен интерсубъективности и социальности «я», выдвинул социально-практическую значимость «я»⁶. Однако все атрибуты «я» у Гуссерля оказались

несостоятельными, ибо выражали крайнюю идеалистическую позицию.

Хайдеггер поставил другие вопросы: имеет ли предикат существования одинаковый смысл в утверждениях «я есмь» и «этот мир есмь», является ли обязательным допущение о трансцендентом для обоснования духа и т. п. Вопрос Хайдеггера о бытии есть вопрос не о его предметном существовании, а о его смысле в противоположность смыслу отдельного существующего (Sein vs Seiendes). Он разделяет Sein как (безразличное)-бытие и Dasein как бытие, находящееся к самому себе в понимающем отношении. Sein имеет смысл для какой-то инстанции, способной понимать, но эта инстанция сама должна быть понята как принадлежащая бытию, «трансцендентная» и «фактическая» одновременно. Dasein понимает и наполняет смыслом и Sein, и себя как часть Sein.

Мышление Хайдеггера можно обозначить как «мышление на пределе языке», вспомнив знаменитый афоризм Витгенштейна: «Философские результаты — это всегда открытие какой-нибудь незатейливой бессмыслицы и те синяки и шишки, которые набивает себе интеллект, наталкиваясь на границы языка. И эти-то синяки и шишки заставляют нас уверовать в ценность того самого открытия»⁷. Читающий Хайдеггера должен преодолевать предрассудки нормативности языка. Из материала языка Хайдеггер делает средства мышления.

«Субъект», картезианское «я» выступает в Dasein как момент его эгоцентрированности (Dasein ist je meines). Способ существования Dasein непосредствен, и в этом смысле оно же «есть», как «внешний» мир, — оно «вот», «здесь», т. е. дано в непосредственной реальности. Оно не «я-здесь-сейчас», а общая сущность этого рода, которая дана всякий раз как «мое» непосредственное «вот» (da). Хайдеггер субстантивирует da (das Da), а способ его существования называет Da-Sein или Dasein. Одна из главных характеристик Dasein — Jemeinigkeit, т. е. факт принадлежности Dasein актуальному «я» в его актуальном «настоящем времени».

Чтобы Dasein не понималось с точки зрения субъективного идеализма, мост от «я» к «человеческому фактору вообще» перебрасывается Хайдеггером с помощью псевдокатегории Verstehen («понимание»), которой приписывается статус онтологической постоянной в Dasein. Мост от «сейчас» к «вот-бытию вообще» перебрасывается с помощью особой интерпретации времени: «настоящее» иллюзорно, так же как «прошлое» и «будущее», они могут быть у частых проявлений «я», но не у Dasein. В структуре Dasein измерения времени составляют специфическую характеристику Dasein. Это свойство называется Хайдеггером Zeitlichkeit. Так возникает еще одна псевдокатегория. По Хайдеггеру, структурные моменты бытия — это «категория», структурные моменты «вот-бытия» — «экзистен-

циалы». Следует получить список экзистенциалов, достаточных для характеристики Dasein, чтобы иметь «фундаментальную онтологию»⁸.

Всякое «я» находится ситуативно в настоящем, которое определено прошлым как опытом и источником обстоятельств и будущим как фактором отбора, организации опыта и фактором устремленности, организующим настоящую ситуацию. Ни одно из временных измерений не существует без других, только вместе они составляют специфическое бытие. Хайдеггер стремится выразить цельность феномена *Zeitlichkeit*, чтобы затем выразить природу отдельных проекций; в то же время цельность *Zeitlichkeit* не есть сумма неких составляющих.

Хайдеггер говорит, в частности: «... das Dasein als seiendes überhaupt schon immer auf sich zukommt (заметим: schon immer — это вневременное настоящее, а в глаголе kommen уже содержится Zukunft — будущее.— В. Л.), das heißt in seinem Sein überhaupt zukünftig ist... Nur insofern Dasein überhaupt ist als ich *bin-gewesen* (здесь и далее курсив мой.— В. Л.; обратим внимание на презентную трактовку перфекта через выделение призрака вспомогательного глагола.— В. Л.), kann es zukünftig auf sich selbst so zukommen, daß es *zurück* kommt. Eigentlich zukünftig ist das Dasein eigentlich *gewesen* (центральный момент! — В. Л.). Das Vorlaufen in die äußerste und eigenste Möglichkeit ist das verstehende Zurückkommen auf das eigenste gewesen (эта субстантивация принципиальная, она неграмматична, зато ставит причастие gewesen в один ряд с наречиями как определителями ситуаций.— В. Л.). Dasein kann nur eigentlich gewesen *sein*, sofern es künftig ist. Die Gewesenheit entspricht in gewisser Weise der Zukunft»⁹. «Zukünftig auf sich zurückkommend, bringt sich die Entschlossenheit (в смысле Entschlossenheit¹⁰.— В. Л.) gegenwärtig in die Situation. Die Gewesenheit entspringt der Zukunft, so zwar, daß die gewesene (besser: gewesende) Zukunft die Gegenwart aus sich entläßt. Dies dergestalt als gewesend-gegenwärtigende Zukunft einheitliche Phänomen nennen wir die *Zeitlichkeit*»¹¹.

Причастие *gewesend*, глагол *gegenwärtigen*, а также словосочетание *gewesend-gegenwärtigende Zukunft* нарушают нормы немецкого языка. Однако Хайдеггер идет на это в угоду целенаправленному разрушению привычной картины мира, которая, по его мнению, лишь в таком виде может быть адекватной для научного познания Sein, но не для философского понимания Dasein. При этом деструктивная работа сама по себе не является его целью. На месте старых представлений, полагает он, должны вырастать новые, динамичные, чтобы снова меняться и перестраиваться. И Хайдеггер делает гигантскую проработку лексики, семантически заново фиксируя целые группы слов и ассоциативно их связывая. Переосмысленный язык должен основать картину мира в духе Dasein.

Отношение Хайдеггера к языку можно определить как техническое. Подобное отношение к языку характеризует работу логиков, отчасти работу теоретиков, оно составляет суть работы методистов иностранного языка и специалистов по искусственному интеллекту и машинной лингвистике. Лингвисты исследуют язык как данность. Хайдеггер говорит о «разрушении языка со стороны лингвистики и информатики»¹². С точки зрения лингвиста «языковая деятельность» Хайдеггера — насилие над немецким языком, однако многие нелингвисты видят в нем выдающегося мастера языка и стиля¹³.

Один из принципов технического отношения Хайдеггера к языку является бережное отношение к слову. Слову он приписывает то значение, которое оправдывается только внутренней формой. Его принцип «die Sprache spricht» и «der Mensch spricht, wenn er ihr entspricht»¹⁴ выступает как принцип истории: мы не вправе делать с языком то, что не предусмотрено культурой или историей культуры, мы обязаны работать со словом в пределах всех его возможностей, данных культурой и ее историей. На этом материале разворачивается «игра мышления», которая «обязывает больше, чем наука»¹⁵.

Такое понимание языка естественно в свете трактовки Dasein как человеческого мира, определяемого через его осмысление. Язык есть естественная среда духовного существования — Haus des Seins, «обиталище бытия». От фундаментальной онтологии «Sein und Zeit» Хайдеггер идет к анализу цельного мира (Welt), где уже не нужно различать Sein — Dasein и где ключ к миру дает язык. Феномен Heidegger-Deutsch рассмотрен в книге Е. Шефера, в которой содержится неполный, но хороший лингвистический материал¹⁶. Тексты Хайдеггера автор трактует как продукт свободно парящего мышления.

Рассмотрим технические средства языка Хайдеггера. Для экзистенциалов и параметров бытия он находит названия, активизируя для этой цели внутреннюю форму слова. Среди типичных приемов:

а) тавтология: Die Welt weltet; Die Sprache spricht; Das Ereignis ereignet; Das Ding dingt; Das Nichts nichtet. Кажущийся иррационализм подобных формулировок мыслительных задач преодолевается феноменологическим анализом предикатов;

б) образования с интерпретированными суффиксами: -heit для «априорного предиката»; -nis женского рода для постоянного свойства, активного относительно конституции Dasein; -e для имени трансцендентального действия и т. д.: Geworfenheit des Daseins, Hinausgesprochenheit der Rede, Hineingehaltenheit in das Nichts; Bedingnis, Begegnis, Gedächtnis (die!), Überkommnis, Verwahrnis etc.; Gebe, Irre, Kehre, Richte, Zeige etc.;

в) эксплицитная трактовка через производность, в том числе написание через дефис: ent-fernen, ge-wesen, her-vor-bringen,

Zu-fall, das Frag-würdige etc.; in-sistent, Ek-state, Techno-logie etc. Активизация семантики проводится целенаправленно, чтобы связать единым смыслом большие семьи однокоренных образований.

Хайдеггер не исследует этимологий, хотя основные индоевропейские этимологии ему хорошо известны. На основе известных он создает собственные этимологические связи. При этом его не занимает лингвистическая истина. Он трактует истину как «несокрытость бытия» с помощью «высвечивающих» мир смысловых связей. Его этимология перебрасывает семантический мост к началам греческого мышления, замыкая с помощью лексики единство культуры во времени. Слова «говорят» как культурно-исторические образования, и, по удачному комментарию Р. Мартена, «язык интерпретирует человека»¹⁷.

Хайдеггер многократно подчеркивал, что старое мышление изжило себя, и этим убеждением оправдывал для себя свой специфический поиск. Его язык может быть воспринят как эксперимент, как язык, приближающийся к художественному языку. С точки зрения марксистской философии философия Хайдеггера — своеобразный вариант идеализма. Мы не даем здесь критического анализа этой философии. Однако критика, как известно, требует понимания, а для этого следует пытаться понять язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Biemel W.* Heideggers Stellung zur Phänomenologie in der Marburger Zeit//Phänomenologische Forschungen, 1978. 6/8. S. 141—223.

² *Herrmann Fr. W. von.* Die Selbstinterpretation Martin Heideggers. Meisenheim am Glan, 1964.

³ *Heidegger M.* Zur Sache des Denkens. Tübingen, 1969. S. 66.

⁴ *Heidegger M.* Nietzsche. Pfullingen Neske, 1961. Bd 1—2.

⁵ *Heidegger M.* Sein und Zeit//Gesamtausgabe. 1. Abt. Frankfurt. a. M., 1977. Bd 2. S. 52.

⁶ *Husserl E.* Erste Philosophie. 2. Teil. Theorie der phänomenologischen Reduktion//Husserliana VIII. Haag, 1959.

⁷ *Wittgenstein L.* Philosophische Untersuchungen. Frankfurt. a. M., 1971. S. 68.

⁸ *Feick H.* Index zu Heideggers «Sein und Zeit». Tübingen, 1961.

⁹ *Heidegger M.* Sein und Zeit. S. 431.

¹⁰ *Ibid.* S. 393; *Wandruszka M.* Etymologie und Philosophie//Etimologica: Walther von Wartburg zur siebzigsten Geburtstag. Tübingen, 1958. S. 63; *Herrmann Fr. W. von.* Op. cit. S 125—147.

¹¹ *Heidegger M.* Sein und Zeit. S. 431—432.

¹² *Heidegger M.* Aus der Erfahrung des Denkens//Gesamtausgabe. Bd 13. S. 227; *Erinnerung an Martin Heidegger.* Pfullingen Neske, 1977. S. 176.

¹³ *Aler J.* Heidegger's Conception of Language in Being and Time//On Heidegger and Language ed. by J. J. Kockelmans. Evanston Northwestern Univ. Pr., 1972. P. 38; *Ortega y Gasset J.* Martin Heidegger y el lenguaje//Anales de la Universidad de Chile a CXVII. 1959. N. 113. P. 7.

¹⁴ *Heidegger M.* Wegmarken//Gesamtausgabe. Bd 9. S. 72.

¹⁵ *Heidegger M.* Sein und Zeit. S. 121.

¹⁶ *Schöfer E.* Die Sprache Heideggers. Pfullingen Neske, 1962. S. 255—259.

¹⁷ *Marten P.* Martin Heidegger: Den Menschen deuten//Klassiker der Hermeneutik. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1982. S. 263.